

ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН

ЗЕМСКИЙ СОБОР 1613 ГОДА

К 400-летию восстановления Русского государства

Великая смута уничтожила Русское государство. Об этом никогда не пишут в учебниках и редко, с большой неохотой – в популярной литературе. В конце 1610 года Россия как самостоятельная политическая реальность перестала существовать. В Кремле сидело бессильное боярское “правительство”. Рядом с ним действовала могучая пропольская администрация. Но её могущество распространялось лишь на одну столицу: в её пределах она поддерживалась большим польско-литовским отрядом, расположившимся на территории Кремля и Китай-города.

За пределами Москвы Русская земля представляла собой рванину самостоятельных областей. Где-то господствовали бойцы Лжедмитрия II – его убили в декабре 1610-го, но армия “царика” отнюдь не распалась; где-то стояли шведские гарнизоны; где-то устроилась польская армия; где-то большие городские общины решали и спорили: за кого “задаться”? За поляков? За шведов? Или выдвинуть кого-то из своих? Кое-кто присягнул чужеземному отроку – королевичу Владиславу. Но он не шёл к Москве и не желал переходить в Православие, а ведь только выполнение этих условий гарантировало ему русский трон. Владислав не выполнил их, и присяга, данная ему, рухнула.

Воцарилось безвластие.

То, что было Россией, имело все шансы распаться на три, пять, десять маленьких независимых державочек.

Около двух лет единого русского государства не существовало.

Оно вновь возникло лишь по одной причине: русский народ и Русская Церковь пожелали его восстановить и претворили свой план в жизнь. Ненависть к захватчикам – иноземцам и католикам – оказалась столь сильной, а желание жить своей головой – столь неотступным, что под Москвой собралось первое земское ополчение. Оно отбило часть города и осадило польский гарнизон, занимавший центр Москвы. Сил для решительной победы не хватало, но, во всяком случае, ополченцы упрямо держались у стен своей столицы до лета 1612 года. В августе 1612-го к Москве явилось Второе земское ополчение. Объединив усилия, земцы отбили натиск отборного польско-литовского корпуса Ходкевича, взяли Китай-город штурмом, принудили к капитуляции вражеский гарнизон Кремля и разбили в предместьях Москвы авангардный отряд польской армии Сигизмунда III.

Осенью 1612 года в Москве образовалось единое земское правительство, представлявшее оба ополчения. К тому моменту под контролем земцев ока-

залась значительная часть Московского государства, но далеко не всё. Многие города и области земского правительству не подчинялись.

Более того, сама власть этого правительства выглядела эфемерно. Она опиралась на небольшую армию, выбившую врагов из столицы. К поздней осени 1612 года в ней не набиралось даже 8.000 бойцов. Притом большей частью земское воинство состояло из казаков – неистового, буйного, пёстрого скопления, готового в любой момент свалиться в бунт или даже прямой разбой.

Ещё того хуже: *подавляющее большинство высокородных русских аристократов не поддержали земское освободительное движение*. Кто-то оказался на стороне поляков, кто-то симпатизировал шведам, а многие просто проявили крайнюю пассивность, не желая рисковать головой ради общего русского дела. Страшно и омерзительно! Служилая аристократия играла роль военно-политической элиты в России. Она обязана была бороться с чужеземными захватчиками, отстаивать, а потом восстанавливать единство страны... Что ж в реальности? В реальности всё выглядело прямо противоположным образом: лишь очень небольшой процент русской знати вышел под знамена двух земских ополчений. Самые родовитые люди царства, самые большие богачи, самые опытные воеводы и управленцы не вошли в число земских лидеров. Пожарский – хоть и князь, но человек невысокой знатности, аристократ третьего сорта. Один лишь молодой князь Дмитрий Трубецкой из великородной ветви Гедиминовичей полтора года тянул на себе воз руководства ополченцами...

Для того чтобы привести разрозненные силы России к новому единству, земское правительство должно было выдвинуть нового государя, Русская Церковь должна была дать ему высшую санкцию на царствование, а земское воинство послужить ему щитом и мечом.

Нужен был новый царь. Все понимали это. Знатнейшая часть нашей аристократии мечтала о польских порядках, о правлении боярской магнатории, об игрушечном царике или даже о замене его собранием “эпархов” – сенаторов, но она оказалась в трудном положении. Предыдущие годы страшно дискредитировали высшую знать России. Сотрудничество многих её представителей с поляками вызывало у победителей-земцев ярость и презрение.

Остался один выход: создать со всех концов России Земский собор и дать ему право на избрание нового царя.

В ноябре 1612 года земское ополчение последний раз отбросило поляков от Москвы. Начало зимы 1612/1613 годов прошло в хлопотах, связанных с созывом Собора. Люди съезжались медленно, люди съезжались трудно. Земский собор открылся лишь в начале января 1613 года. Его заседания проходили в Успенском соборе Кремля.

К Москве съехались многие сотни “делегатов”, представлявших города и области России. По некоторым сведениям, их число превышало тысячу, но большинство историков придерживается мнения, что в Москве собралось 500–700 человек. Точных данных на сей счёт нет. В итоговой грамоте Собора стоят подписи и упомянуты имена лишь части делегатов. По этому документу устанавливаются личности менее 300 участников Собора¹. По нему же ясно, что их было намного больше, но сколько именно – установить невозможно².

Собрали тех, кто сумел прибыть: иные опустевшие земли и послать-то никого не могли. К тому же страна была переполнена шайками “воровских” казаков и бандами авантюристов всякого рода. А тех, кто смог приехать, ждали голод, холод и разруха послевоенной Москвы. Осенью 1612 года там даже ратники земского ополчения порой умирали от голода. Так что само появление на Соборе означало акт гражданского мужества.

Те “выборные”, кто добрался до столицы, представляли огромную территорию и могли совокупным своим голосом говорить за всю державу. Среди них присутствовали выходцы из разных социальных групп: аристократии, дворянства, стрельцов, казаков, купцов, ремесленников, духовенства. Имелось даже небольшое количество крестьян. В документах Собора их именовали “уездными людьми”.

Монархический выбор, совершенный в 1613 году, отражает настроения если не всех “выборных”, то, во всяком случае, абсолютного большинства: “А без государя Московское государство ничем не строится и воровскими заводы на многие части разделяется и воровство многое множится, – справедливо считали участники Собора. – А без государя некоторыми делы строить и промы-

шлять и людьми Божиими всеми православными христианы печися некому”³.

Но определение наилучшего претендента на трон проходило в спорах и озлоблении. Участники собора не быстро решили эту задачу и не единодушно. “Пришли же изо всех городов и из монастырей к Москве митрополиты и архиепископы и всяких чинов всякие люди и начали избирать государя. И многое было волнение людям: каждый хотел по своему замыслу делать, каждый про кого-то [своего] говорил, забыв Писание: “Бог не только царство, но и власть кому хочет, тому дает; и кого Бог призовет, того и прославит”. Было же волнение великое”⁴. Иначе говоря, борьба мнений, агитация сильных “партий”, посулы и тому подобные прелести избирательного процесса не обошли стороной и Собор 1613 года.

Земские представители выдвинули больше дюжины кандидатур нового монарха.

Легче всего оказалось “отвести” предложение, относившиеся к польскому правящему дому. Весьма скоро ушёл из поля зрения собравшихся королевич Владислав: хватит, нахлебались от поляков!

Позднее пропал из обсуждения герцог Карл-Филипп, сын шведского короля. По Новгороду, захваченному шведами, знали: их правление тоже не мёд. Древняя московская аристократия с презрением относилась к сравнительно “молодому” шведскому королевскому семейству. Иван Грозный вообще назвал его “мужичьим”. Как подчиниться нашим князьям и боярам челоуку, уступавшему значительной их части в родовитости? С другой стороны, одиннадцатилетний шведский отрок не смог бы удержаться на русском престоле без поддержки высшей знати, а следовательно, зависел бы от нее. Относительная слабость и оскорбительная незнатность шведского претендента, как ни парадоксально, для многих “выборных” являлись доводами в его пользу. “Слабак” на троне – это возможность большой политической игры для сильных людей царства... Поэтому кандидатура его держалась довольно долго, и даже велись переговоры с его старшим братом, королём Густавом-Адольфом. Сам Пожарский одно время склонялся к “шведскому варианту”, предвидя тяготы войны на два фронта – с Речью Посполитой и Швецией, – а также прикидывая возможности получить от шведов поддержку против более опасного врага⁵.

Но в людях оставалось сильным воодушевление, рождённое недавней победой над чужеземными войсками. К чему, недавно освободившись от власти иностранцев, опять сажать их себе на шею? Карл-Филипп сгинул из списка претендентов вслед за Владиславом. Дмитрий Михайлович не стал настаивать на его кандидатуре.

Идея самозванства потускнела в глазах всей земли. Насмотрелись на “государей Димитриев Ивановичей”! Сколько крови из-за них пролилось! Мука, сводившая судорогой всё тело России, научила наш народ: нельзя заигрывать с ложными “цариками” ради собственной корысти... кончится плохо. Царь должен быть истинный. По крови и по Божественному изволению. Все прочие варианты несут неминуемое зло. Поэтому быстро отказались от Марины Мнишек и её сына-“ворёнка”, а значит, и от мира с атаманом Заруцким, поддерживавшим их силою казачьих сабель. Марина Мнишек в 1605 году была возведена Лжедмитрием I на высоту русской царицы, но раз “государя”, приведённого самозванческой интригой на трон, признали ложным, то и царица его – ложная.

Отказ от этих кандидатур был единодушно высказан на Соборе и прозвучал в грамотах, рассылавшихся от имени его участников по городам и землям: “И мы, со всего собору и всяких чинов выборные люди, о государьском обирание многое время говорили и мыслили, чтобы литовсково и свейсково короля и их детей и иных немецких вер и никоторых государств иноязычных не християнської веры греческого закона на Владимирское и на Московское государство не обирати и Маринки и сына её на государство не хотети, потому что польсково и немецково короля видели к себе неправду и крестное преступление и мирное нарушение, как литовской король Московское государство разорил, а свейской король Великий Новгород взял обманом за крестным же целованьем. А обирати на Владимирское и на Московское государство и на все великие государства Росийсково царствия государя из московских родов, ково Бог даст”⁶.

Заруцкий обладал сильной армией, активно действовавшей на юге России. Лишь после долгих военных действий он сам, Марина Мнишек и “ворёнок” окажутся в плену. За упорные претензии на русский престол им придётся расплатиться жизнью.

Собор склонился к тому, чтобы выбрать кого-то из высшей русской аристократии.

По разным источникам известны лица, предложенные участниками Собора для избрания на царство.

Наиболее длинный список претендентов содержит “Повесть о Земском соборе”. Вот как в ней изложено всё дело избрания: “Князи ж и бояра московские мысляще на Россию царя из вельмож боярских и избравше седмь вельмож боярских: первый князь Феодор Иванович Мстиславской, второй князь Иван Михайлович Воротынской, третей князь Дмитрий Тимофиевич Трубецкой, четвертой Иван Никитин Романов, пятый князь Иван Борисович Черкасской, шестый Феодор Иванович Шереметев, седьмый князь Дмитрий Михайлович Пожарской, осмый причитається князь Петр Иванович Пронской, но да ис тех по Божии воли да хто будет царь и да жеребеуют...⁷ А с казаки совету бояра не имеючи, но особь от них. А ожидаючи бояра, чтобы казаки из Москвы вон отехали, втай мысляще. Казаки же о том к бояром никак же не глаголете, в молчании пребывая, но токмо ждуще у бояря, кто от них прославится царь быти”⁸. Позднее казаки всё же назовут своего кандидата или, вернее, кандидата, подсказанного им частью московского боярства: “Атаман же казачий глагола на соборе: “Князи и бояра и все московские вельможи, но не по Божии воли, но по самовластии и по своей воли вы избираете самодержавнаго. Но по Божии воли и по благословению благовернаго и благочестиваго, и христоролюбиваго царя государя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси при блаженной его памяти, кому он, государь, благословил посох свой царской и державствовать на России... Феодору Никитичу Романову”⁹. И тот ныне в Литве полонен, и от благодобраго корене и отрасль добрая и честь, сын его князь Михайло Федорович. Да подбаеет по Божии воли на царствующим граде Москве и всея Руси да будет царь государь и великий князь Михайло Федорович и всея Руси”. И многолетствовали ему, государю”¹⁰.

“Повесть о Земском соборе” в общих чертах передаёт обстановку, сложившуюся при избрании нового государя. Правда, в ней названы далеко не все претенденты. Другие источники сообщают, что среди кандидатов, предлагавшихся на русский престол, звучали также имена князя Д. М. Черкасского, популярного у казаков и к тому же весьма знатного аристократа; князя Ивана Васильевича Голицына – не менее родовитого вельможи, брата Василия Васильевича, которого столь уважал князь Пожарский; князя Ивана Ивановича Шуйского, томившегося в польском плену. Возможно, участники собора называли и других кандидатов, но они не пользовались популярностью, а потому имена их не дошли до нашего времени.

Претендентом номер один являлся князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой. Ему принадлежало формальное первенство в земской освободительной армии.

Но он проиграл. Проиграл с треском, обидно, безнадежно. Был совсем рядом с великим успехом и упал на уровень второстепенной политической фигуры...

Чего не хватило Дмитрию Тимофеевичу для избрания на царство?

Желания у него хватало. Одна из повестей о Смутном времени рассказывает: “Князь же Дмитрий Тимофиевич Трубецкой учрежаше столы честныя и пиры многая на казаков и в полтора месяца всех казаков, сорок тысяч, зазывая к себе на двор по вся дни, чувствуя, кормя и поя честно и моля их, чтоб быти ему на Росии царем и от них бы казаков похвален же был. Казаки же честь от него приимающе, ядяще и пиюще и хваляще его лестию, а прочь от него отходяще в свои полки и браняще его и смеющесе его безумию такову. Князь же Дмитрий Трубецкой не ведаше лести их казачьей”. А когда монарший венец окончательно ушел от Дмитрия Тимофеевича, он тяжело переживал своё поражение: “Лицо у него ту с кручины почерне, и [он] паде в недуг, и лежа три месяца, не выходя из двора своего”¹¹. Он даже не поставил свою под-

пись под грамотами, извещавшими города и земли об избрании Михаила Федоровича Романова на царство.

Хватало Трубецкому и знатности. Он приходился отдалённым потомком великому князю литовскому Ольгерду – по линии, восходящей к старшему сыну Ольгерда, Дмитрию. А Дмитрий Ольгердович княжил в богатом Брянске, управляя колоссальной областью. В Московском государстве по давней традиции очень высоко ставили князей, связанных с литовским монаршим родом, – Голицыных, Мстиславских, Бельских, Трубецких и т. п. Со второй половины XVI века Трубецкие ставились в первых строках боярских списков, возглавляли армии, воеводствовали и наместничали в крупнейших городах. Очень немногие семейства могли тягаться с ними в родовитости: князья Мстиславские, Шуйские, Голицыны, Воротынские, Одоевские, Пронские, Глинские да три-четыре рода старомосковских бояр – самые сливки русской аристократии того времени. Отец Дмитрия Тимофеевича имел боярский чин. Сам он появился на царской службе в 1604 году: в чине стольника ходил против Лжедмитрия I. Тот же чин сохранил Трубецкой и при Василии Шуйском. Перебежав от Василия Шуйского к Лжедмитрию II (июнь 1608), он сразу получил от “царика” боярский чин: “тушинцам” пришлось по вкусу, что в их лагере оказался столь знатный человек. . .

Роль князя Д. Т. Трубецкого в земском движении огромна. В 1611 году он вместе с Иваном Заруцким составлял полки Первого ополчения, пришёл с ними под Москву, участвовал в битвах с интервентами. Воинские заслуги его перед Россией очевидны.

У Первого ополчения было несколько вождей: Прокофий Ляпунов, Иван Заруцкий, князь Дмитрий Трубецкой и Андрей Просовецкий. Порой трудно определить, кто из них был инициатором того или иного действия земцев. Формально Дмитрий Тимофеевич признавался старшим среди них – его имя писали на грамотах ополчения первым. Да и обращаясь к руководству ополчения, в грамотах из городов его тоже называли на первом месте¹². В то же время источники гораздо чаще упоминают самостоятельную роль иных руководителей – Заруцкого и особенно Ляпунова. Дмитрий Тимофеевич как будто оказывается в тени.

Но это иллюзия.

Известно, что именно он собирал войска Калужской земли. Весной 1611 года самой крупной фигурой в стане русских сил, концентрирующихся вокруг Калуги, был его двоюродный брат – князь Юрий Никитич Трубецкой (с ним ведут переговоры внешние силы)¹³. Дмитрий Тимофеевич появляется рядом с ним в марте – апреле 1611 года¹⁴. Юрий Никитич, известный своими пропольскими симпатиями, колебался, но к земскому делу в итоге не примкнул. И тогда его родич оказался во главе калужан. Летом 1611 года князь Д. Т. Трубецкой именно как старший человек калужского воинства оказался и первым из воевод всего ополчения в целом.

Иностранцы видели в нём действительного вождя земцев. Шведы, в частности, считали его “осторожным и бдительным командиром”, не допустившим распада ополчения после гибели Ляпунова. Русские полагали, что меж двух истинных лидеров ополчения – Ляпунова и Заруцкого – Трубецкой “никакой чести не имел”¹⁵. Но, во всяком случае, Дмитрий Тимофеевич никогда не был просто “живым знаменем”, не был игрушкой в руках прочих вождей ополчения. Случалось, он расходился во мнениях с иными воеводами. Так, летом 1612 года он не поддержал Заруцкого, пожелавшего возвести на престол малолетнего сына Марины Мнишек от Лжедмитрия I. Заруцкий злоумышлял против Пожарского, даже пытался его убить, а Трубецкой – никогда. Заруцкий ушёл из-под Москвы, слышав о приближении земцев Минина и Пожарского, а Трубецкой остался. Ясно видно: этот человек имел самостоятельное значение. И, без сомнений, он самостоятельно принимал политические решения.

Историк В. Н. Козляков высказался на этот счёт веско и точно: “Несмотря на то, что князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой. . . получил свое боярство от Лжедмитрия II, этот воевода ополчения стал восприниматься как глава его “дворянской” части. К ноябрю 1611 года в полках ополчения оказались представители московских дворянских родов Змеевых, Измайловых, Исленьевых, Колтовских, Коробьиных, Одадуровых, Охотиных-Плещеевых, князей Приимковых-Ростовских, Пушкиных, Самариных”. Знатные дворяне легко подчиня-

лись аристократу-Трубецкому – в том не было никакой “поруки” для их родовой чести. А вот не столь знатный Ляпунов, а тем более безродный Заруцкий не очень-то годились на роль их начальника. Без Трубецкого дворянская часть ополчения могла просто разойтись по домам.

Трубецкой достоин почтительного отношения, ведь он единственный – единственный из нескольких десятков знатнейших людей Царства! – не отказался от святой роли вождя в земском ополчении. А приняв её, шёл с земцами до победы. Этот молодой человек – не особенно удачливый полководец и не великий администратор. Но всё же он проявил достаточно ума и отваги, чтобы встать выше прочих людей своего общественного слоя.

После ухода Заруцкого Дмитрий Тимофеевич единолично руководил Первым земским ополчением. Князь лично участвовал в отражении отрядов Ходкевича. В октябре 1612 года именно его подчинённые взяли штурмом Китай-город. Когда к Москве подошли отряды короля Сигизмунда, Трубецкой вместе с Пожарским отбросил их¹⁶. Наконец, именно он формально являлся старшим из земских управителей России вплоть до Земского собора 1613 года.

И вот ему отказали в возведении царство. А высшая власть была так близка! Полшажочка оставалось до неё. Трубецкой фактически обладал ею на протяжении нескольких месяцев – на исходе 1612 года и в начале 1613-го...

Почему же так вышло?

Видимо, Дмитрий Тимофеевич оказался в странном положении: *он никому не был до конца своим, хотя и до конца чужим его тоже никто не мыслил.*

Свой для казаков? Не вполне. Ведь князь возвысился, прежде всего, как глава дворянской части первого ополчения. Дворянской, а не казачьей. В общественном смысле князь был гораздо ближе дворянам, чем казакам...

Свой для дворян? Но их он не сумел защитить от казачьего буйства и, наоборот, в их глазах выглядел как предатель своего круга, заигрывающий с социально чуждой стихией. Дворяне разбежались из его ополчения, страшась обид, то и дело наносимых им казачеством. Обстоятельства битвы с Ходкевичем за Москву прямо и однозначно свидетельствуют: казачьи отряды Трубецким контролировались очень слабо.

Свой для аристократии? Да, верно! Однако... молодой вельможа в аристократической среде был всего лишь одним из “игроков” – не самым знатным, не самым опытным по части интриг, не самым авторитетным из царедворцев. У каждого аристократического клана имелся свой интерес и свои козыри. Трубецкой играл в свою пользу и достаточно для победы числа союзников не нашёл.

Отчасти предводителя земцев подвело одно неприятное обстоятельство. Шуйские, Мстиславские, Романовы, Черкасские, Глинские, Сабуровы и некоторые другие рода знатнейших людей царства соединены были с династией московских Рюриковичей-Калитичей брачными узами. А Трубецкие – нет! Ни одного брака, прямо связывающего Трубецких с Московским монаршим домом, заключено не было.

Итак, поражение Трубецкого как претендента на русский престол объяснить не столь уж трудно.

Из прочих претендентов особого внимания заслуживает князь Фёдор Иванович Мстиславский.

Этот происходил из Гедиминовичей, притом знатность его абсолютно превосходила всех прочих князей Гедиминовичей, выставлявшихся на выборах: Голицыных и Трубецких. Мстиславские брачно были связаны и с московскими Рюриковичами. Один из предков Фёдора Ивановича женился на родной внучке Ивана Великого! А сам Фёдор Иванович в начале XVII столетия вообще считался самым знатным аристократом во всей России. С ним могли бы потягаться разве только Шуйские, да их свергли, и ныне Шуйские находились в узилище у поляков.

Если бы при выборах на русский трон главную роль играла кровь, то есть высота происхождения, Фёдор Иванович, безусловно, победил бы. Но знатность имела значение всего лишь *одного* из факторов, которые брали в расчёт участники Собора. Не единственного. Её, разумеется, учитывали: недостаток знатности отвёл от престола нескольких кандидатов, в частности, князя Пожарского, Ф. И. Шереметева, а также И. Н. Романова¹⁷. Однако *позиция и действия претендентов на протяжении Смуты имели не меньшее значение.*

И что же?

Князь Пронский, высокородный Рюрикович, – не заметен ни в большом добре, ни в большом зле. Смута как будто прошла мимо него, взрослого человека. Он вёл себя пассивно.

Князь Черкасский показал себя скверным полководцем.

Но всё это маленькие грехи.

А вот князь Мстиславский открыл полякам ворота Кремля. Он возглавлял Семибоярщину и именно он привёл Россию к униженному положению. Дать ему царское звание после всех этих “художеств” означало бы ни во что не ставить святой подвиг земского ополчения. Первое время после изгнания поляков из Кремля князя Мстиславского могли просто прибить под горячую руку, а не на трон возвести. . .

Нет, этот аристократ, пусть и знатнейший, пусть и достойнейший по крови, явно не годился.

Нет смысла в подробностях рассказывать о “борьбе партий” на Соборе. Основные его события многое множество раз описаны в научной и популярной литературе. Для русского патриота важны два обстоятельства: почему царём избрали не Дмитрия Михайловича Пожарского? Какую позицию занимал он по отношению к юному избраннику, Михаилу Фёдоровичу Романову?

Ответ на первый вопрос ясен: у Пожарского имелось меньше всего шансов на избрание среди всех кандидатов. Он всем им заметно уступал в знатности. Его стали бы терпеть в государях менее, чем терпели Бориса Годунова и Василия Шуйского. И какой из этого выход? Бросить дворян-ополченцев на уничтожение всех более знатных персон Московского царства? Порубить несколько десятков Рюриковичей, Гедиминовичей, а также выходцев из старомосковских боярских родов? Даже если бы у Дмитрия Михайловича возникла столь безумная мысль, войско бы не послушалось его приказа. А если бы нашёлся отряд, готовый услужить своему воеводе, его скоро уничтожили бы казаки. По свидетельствам многочисленных источников, сила казачья в 1613 году абсолютно превосходила силу дворянства¹⁸, собравшегося в Москве, а боярство раскололось на “партии”.

Конечно, Пожарский располагал войском. Конечно, имя его пользовалось доброй славой из конца в конец России. Конечно, из соображений почтительности его имя включили в список претендентов. И в 1634 году враждебный ему дворянин Ларион Сумин в запальчивости обвинил Дмитрия Михайловича, что он домогался царства и даже потратил на подкуп 20 000 рублей¹⁹. Как тут не заподозрить властолюбивых мечтаний у Дмитрия Михайловича?

Но твёрдого намерения “воцариться” у Пожарского явно не было. Тому же Сумину и тогда не поверили, и сейчас в его заявление верится с трудом. Сумма – фантастическая. Серебряная копеечка того времени весила приблизительно 0,5–0,6 грамма²⁰. Следовательно, 20 000 рублей представляли собой груды серебра общим весом в 1,0–1,2 тонны. На такие деньги можно было купить город с окрестными селами! Не особенно богатый Пожарский в условиях полного разорения страны, думается, не имел источников, из которых мог бы добыть даже вдесятеро меньшую сумму. Что ж, добрый друг Минин снабжал его серебром из земской казны? Ещё менее правдоподобно. Во-первых, состояние земских финансов было в той же степени, что и Минину с Пожарским, открыто другому кандидату – князю Д. Т. Трубецкому. Во-вторых, армия всё это время получала жалование и “корм”. Будь тогда израсходована такая сумма, служилые люди просто разбежались бы от Москвы: земским лидерам нечем стало бы им платить. Исчерпывающе точно высказался о Минине как о казначее Второго ополчения историк И. Е. Забелин: “Он её (казну. – Д. В.) раздавал щедро, но разумно, ибо на ней держался весь. . . достославный народный подвиг. Ни одного намека в летописях и в других актах о том, чтобы Минин обращался с этою казною нечестно. Ни одного летописного замечания о том, чтобы нижегородская рать была когда-либо оскорблена со стороны расходования казны, чтобы происходили в казне самовольные захваты со стороны начальников. Между тем, летописцы никогда не молчат о таких делах, у кого бы они ни случились”²¹.

Наконец, есть и более весомое соображение. Биография Пожарского до 1613 года неплохо отражена источниками. Летописи, исторические “повести”,

а также разного рода документы позволяют составить подробный его портрет. Основные черты нравственного облика Дмитрия Михайловича, его психология, его интеллектуальные способности не позволяют допустить мысли о том, что он сознательно пробивал себе путь к трону.

Пожарский честолюбив – к тому толкает его родовая честь, столь сильная в знатных людях того времени. Но он ни в коей мере не авантюрист и не революционер. И, подавно, не глупец. Знал, что с его воцарением Смута продлится: не признают великие роды захудалого Рюриковича на престоле, когда вокруг полным-полно Рюриковичей нимало не захудалых. Знал, что может, восхотев трона, погубить страну, хотя недавно сделался её спасителем. Знал, что, борясь за старый порядок, немедленно пострадает после его возвращения. Так вот, старый порядок начал возвращаться, и этот общественный уклад не допускал восхождения на царство мелкого представителя Стародубских князей.

Наверное, если бы вся земля поклонилась Пожарскому и в едином порыве преподнесла ему царский венец, князь бы принял его. Но никакого “единого порыва” на Земском соборе не наблюдалось. Нет, вместо него – полное “раздрасие”. И как бы ни одолевали Дмитрия Михайловича вспышки честолюбия, он всё же не захотел сделаться главой одной из партий, бешено зубами грызущихся за власть, сыплющих деньгами направо и налево, интригующих за “голоса”. Его уважали: назвали среди кандидатов. Странно было бы не уважить! Он, может быть, искал всеобщего одобрения и даже предпринимал какие-то попытки добиться его... Но весьма быстро понял, к каким губительным последствиям могут привести подобные действия.

Надо с радостью и почтением принять решение Дмитрия Михайловича – смириться. Ему не стать государем. Не этого ли ради он бил сумбуловцев под Пронском в 1610 году, дрался на московских баррикадах в 1611-м, пил смертную чашу с Ходкевичем? По-божески, совершив положенное, князь должен был отойти в сторону. И он отошёл. Не одолел его дух Смуты. Не победил его соблазн. Вот верное поведение для доброго христианина! И в будущем Пожарский никогда, ни единым словом или поступком, не покажет своего сожаления об утраченных возможностях.

Он поступил правильно. Ради Христа и ради России так и нужно было поступить.

Как относился князь Пожарский к избранию Михаила Фёдоровича? Трудно сказать со всей определённостью, но, вероятнее всего, неодобрительно.

Для того он имел несколько серьёзных причин.

Михаил Фёдорович связан с прежними царями-Рюриковичами, но не кровно. Сестра его деда, Анастасия Романовна, стала первой женой Ивана IV. Правда, сам дед, Никита Романович, женился на Евдокии Александровне Горбатой-Шуйской. Князья Горбатые-Шуйские являлись высокородными Рюриковичами, потомками великих князей из Суздальско-Нижегородского дома. Но всё же к истинным Рюриковичам Романовы оказались в лучшем случае... прислонены. А для титулованных потомков Рюрика и Гедимины естественнее было бы покоряться монарху, теснее связанному с одним из великих царственных домов.

Михаила Фёдоровича выдвигала на престол партия со скверной репутацией. Среди московского боярства его сторонниками были И. Н. Романов – открытый пособник поляков, Б. М. Салтыков – племянник явного предателя Михаила Салтыкова, Фёдор Иванович Шереметев – член Семибоярщины, сдавшей полякам Москву, и князь Б. М. Лыков – давний враг Пожарского. Видимо, отчаявшись в собственном успехе, поддержали его и князья Черкасские. Между тем, один из них, И. Б. Черкасский, когда-то сражался с земскими ополченцами...

Они наладили связи с властями Троице-Сергиева монастыря, богатыми купцами и казачеством. Троицкие власти предоставили сторонникам Михаила Фёдоровича своё московское подворье для совещаний. Купцы дали средства на ведение “предвыборной кампании”. Казачьи атаманы обеспечили военную силу, поддержавшую эту “партию”. Казаки устраивали буйные выступления на подворье митрополита Крутицкого и в самом Кремле. Дошло даже до осады Трубецкого и Пожарского на их дворах! Именно казачье давление склонило чашу весов в пользу Михаила Фёдоровича. А что до-

брого видел князь Пожарский от казаков? Их буйство? Их корысть? Это была сила, много зла сделавшая России того времени, сила, социально чуждая Пожарскому с его дворянами-ополченцами, и одновременно сила, ловко используемая старинным московским боярством при возведении на трон своего кандидата.

Наконец, Михаил Фёдорович не годился на трон по малолетству. На соборных заседаниях вокруг имени его шли жестокие баталии – те “за”, те “против”, – а ему ещё не исполнилось и шестнадцати лет. Он не обладал никаким опытом управленческой или военной деятельности. К тому же, более двух лет он не виделся с отцом – энергичным политиком, следовательно, не мог у него учиться. Пожарский отчетливо понимал: пока царь не повзрослеет, державой будут вертеть либо казаки, либо монаршие родичи. А эти последние, как уже говорилось, выглядели людьми сомнительных достоинств. На Соборе не раз поднимались разговоры о малолетстве претендента. Более того, ушлые интриганы откровенно говорили: “Молод и разумом ещё не дошёл, и нам будет поваден”.

Вероятнее всего, князь Пожарский видел мало доброго в перспективе отдать Россию такому государю. Он бы, не взойдя на престол сам, наверное, вручил бы его Голицыну или Воротынскому, честно сопротивлявшемуся полякам и пострадавшему от них. Однако за ними не стояло столь мощной партии сторонников... До наших дней дошли косвенные свидетельства источников, согласно которым Дмитрий Михайлович стоял в оппозиции к группировке Романовых.

Но Пожарский, стоит повторить, смирился. Надо полагать, не только уступив насильно казачьему, коего никогда не боялся, и не только по соображениям православно-нравственности.

Для него, по всей видимости, значимой была позиция Троице-Сергиевой обители, вставшей за юного претендента. К тому же Дмитрий Михайлович понимал: влиятельные Романовы, их многочисленная родня и сторонники (хотя бы из корыстных побуждений!) окажутся прочной опорой трону. Русский престол получит в их лице тьму защитников, прочим же аристократическим “партиям” будет рискованно пробовать царя Михаила Фёдоровича на прочность – так, как пробовали царя Василия Ивановича.

К этому обстоятельству следует присмотреться со вниманием.

Что такое Романовы? Ветвь древнего боярского семейства Захарьиных-Юрьевых. В их жилах вовсе не текло царской крови. Они имели очень опосредованное отношение к роду Юрика, совершенно никакого – к родам Гедимиона и Чингисхана, пользовавшихся тогда в России большим авторитетом. Романовы всегда являлись слугами московских государей. Именно слугами, а не правителями. И вместе с ними роль таких же слуг, не имеющих царской крови в артериях и венах, играли многочисленные старинные роды московского боярства: Салтыковы, Сабуровы, Годуновы, Пушкины, Шереметевы, Шеины, Морозовы, Колычевы, Плещеевы, Вельяминовы, Бутурлины, Глебовы... Кто-то из них утратил прежнее величие – как, например, Колычевы, сильно пострадавшие от опричнины, или Сабуровы с Годуновыми, потерявшие державное значение с гибелью царя Фёдора II Годунова. Кто-то сохранял большое влияние при дворе и большое богатство. В данном случае важно другое: все эти роды и множество других, не столь именитых, составляли социально близкую Романовым среду. Все они могли бы сказать о Романовых: “Эти – из наших”. Они-то, как видно, в нужный час и собрали деньги для казаков, мобилизовали собственных бойцов, проявили дипломатические способности, договариваясь с Церковью, и нажали на недовольных, где надо... Князья боролись разрозненно, всяк за себя. Нетитулованная же знать выставила всего два рода на выборы, а когда Шереметевы решили поддержать Романовых, вся её мощь сконцентрировалась в единой точке. Казаки стали оружием этой коалиции.

Наконец, Михаил Фёдорович, чистый от всех грехов Смуты, стоял намного выше столпов Семибоярщины, “тушинских бояр” и откровенных слуг польской власти. А они составляли большинство среди выдвинутых кандидатур. К несчастью, большая часть аристократии русской вышла из Смуты замаранной... Михаил Фёдорович – нет.

Не мог Дмитрий Михайлович не чувствовать ответственности за страну, недавно избавленную им от власти захватчиков. Отказавшись от мысли о соб-

ственным восхождении на престол, князь должен был отдаться расчётам: кто на вершине власти будет наименее вреден для России? Оптимисты в подобном случае сказали бы: “наиболее полезен”, но ведь из Смуты выросло невиданное количество людей-чудовищ, и некоторые из них с тяжёлой страстью тянулись к царскому венцу...

Если объективно оценивать “обойму” претендентов, то Михаил Фёдорович – среди лучших. Не самый удачный, но, во всяком случае, хороший вариант. И Пожарский, очевидно, не стал откровенно сопротивляться его избранию, поскольку увидел: лучшие не “пройдут”, а из тех, кто реально может взойти на престол, Михаил Фёдорович выглядит предпочтительнее других.

Отсутствие явного противодействия со стороны Пожарского, признание им, авторитетнейшим из земских воевод, соборного решения, делает его одним из создателей династии. Хорошая уступка, сделанная Дмитрием Михайловичем, значила тогда исключительно много. Он держал в руках серьёзную воинскую силу. Допустим, весьма затруднительно было бы использовать её для личного его воцарения. Но остановить неугодного претендента, персону, явно не подходящую для роли монарха, Пожарский, думается, мог. И не стал. Князь просто подписал соборную грамоту об избрании Михаила Фёдоровича на царство²².

Иногда бездействие – очень серьёзный шаг.

Иногда отсутствие поступка – решительный, хорошо обдуманный поступок.

Имя Михаила Фёдоровича окончательно восторжествовало на соборных заседаниях 21 февраля 1613 года. Под сводами Успенского собора, главного для всей русской земли, его нарекли государем.

Дальнейшее изложено в “Новом летописце”: “Он же [Михаил Фёдорович], благочестивый государь, того и в мыслях не имел и не хотел: был он в то время у себя в вотчине, того и не ведая, да Богу он угоден был... Власти же и бояре, и все люди начали избирать из всех чинов, [кого] послать бить челом к его матери, к великой государыне старице иноке Марфе Ивановне, чтобы всех православных христиан пожаловала, благословила бы сына своего, царя государя и великого князя Михаила Фёдоровича Всея Руси, на Московское государство и на все Российские царства, и у него, государя, милости просить, чтобы не презрел горьких слёз православных христиан. И послали на Кострому из всех чинов рязанского архиепископа Феодорита и с ним многих властей чёрных, а из бояр Фёдора Ивановича Шереметева, и изо всех чинов всяких людей многих. Они же пошли и пришли на Кострому, он же, государь, был в то время в Ипатцком монастыре”²³.

Надо заметить: Пожарский не поехал с посольством в Ипатьевский монастырь, но в его поведении нельзя разглядеть признаков враждебности. Князь Д. Т. Трубецкой, другой вождь земцев, сильно переживал своё поражение и даже на время слёг. Но Дмитрий Михайлович просто не мог выехать из Москвы, пока на нём висели многочисленные административные обязанности. Он продолжал свою работу, и никто из летописцев и духовных писателей того времени не отмечает в его действиях признаков огорчения или злобы.

Между выездом “посольских людей” к Михаилу Фёдоровичу и обрядом венчания на царство пройдет без малого четыре месяца. Кому-то полагалось все это время заведовать колоссальным государственным хозяйством. Трудно сказать, в какой момент произошло формирование нового правительства, и Трубецкой с Пожарским передали новым людям бразды правления. 21 февраля монарх уже известен, но всё же от имени князей Д. Т. Трубецкого и Д. М. Пожарского на Белоозеро отправляется грамота об “испомещении” на землях тамошнего уезда дворян, пострадавших в годы Смуты²⁴. А 27 февраля по грамоте этих двух вождей земского движения решаются земельные вопросы в Угличском уезде²⁵. Даже в марте ещё видно по документам особенное их управленческое положение при земском правительстве²⁶. Известна мартовская “отписка” (отчёт) о получении из Шуи пушечных припасов, обращённая к Трубецкому с Пожарским²⁷. Значит, они ещё продолжают работать как ведущие администраторы.

Когда “дуумвират” окончательно отошёл от дел, определить трудно. Скорее всего, в марте. Апрельские грамоты 1613 года, уходящие из Москвы, составляются уже от имени боярской администрации – “Фёдорца Мстиславского

с товарищи”²⁸. Но даже если Пожарский с Трубецким сложили полномочия в самом начале марта, им предстояло долгая сложная процедура передачи дел. Какое там посольство...

Сам молодой монарх и его мать инокиня Марфа долгое время сомневались, стоит ли принимать соборное решение. Работа государя после смерти Фёдора Годунова и предательской передачи Василия Шуйского полякам выглядела одной из опаснейших. Сумеют ли земцы защитить Михаила Фёдоровича? Нет ли обмана и вероломства в их предложении? Но посольство уговорило обоих. Не напрасно светским его главой назначили боярина Фёдора Ивановича Шереметева: он происходил из той же общественной среды, что и Романовы, и принадлежал к такому же старомосковскому боярскому роду, как и они. Шереметевы приходились Романовым отдалённой родней: у обоих родов был один предок – московский боярин начала XV века Фёдор Андреевич Кошка. Инокиня Марфа и её сын могли рассчитывать на то, что кровь-то одна – чай, не выдадут...

Романовы отправились в Москву. “Люди же Московского государства встретили его с хлебами, а власти и бояре встретили за городом с крестами. И пришёл государь к Москве на свой царский престол в лето 7121 (1613) после Великого дня в первое воскресенье на день Святых жен Мироносиц. На Москве же была радость великая, и пели молебны”²⁹.

11 июля состоялось венчание на царство, а вслед за ним начались большие торжества.

Как показала русская история, выбор, сделанный в 1613 году “выборными” людьми, и уступка, совершённая лидерами земского ополчения, оказались правильными. Михаил Фёдорович оказался именно тем царём, фигура которого сплотила страну.

Во-первых, за ним стояла самая сильная аристократическая коалиция.

Во-вторых, его поддержала Церковь.

В-третьих, и главное, страна возрождалась из руин, из грязи, из пепелищ. Она начинала жить с чистого листа. И в такой ситуации лучшим оказался тот царь, которого никто не имел оснований упрекнуть в неблагоприятных деяниях смутных лет. Михаил Фёдорович был чист. Чистота его внушала добрую надежду.

А сочетание политической силы и святой надежды – весьма прочное.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Утверждённая грамота об избрании на Московское государство Михаила Фёдоровича Романова / Предисл. С. А. Белокурова. М., 1906. С. 75–92. Всего названо приблизительно 260–270 имен “выборных”, то есть участников Собора.

² В целом ряде случаев один человек подписывался за целую группу “выборных” от какого-то города или области. В таких случаях численность всей группы выборных не указывается.

³ Акты Земского собора 1612–1613 годов. // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 19. М., 1957. С. 189.

⁴ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб. 1910. С. 129.

⁵ Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 годов. М., 1939. С. 214.

⁶ Акты Земского собора 1612–1613 годов. // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 19. М., 1957. С. 189–190.

⁷ “Жеребеют” – определяют будущего царя с помощью жребия.

⁸ Повесть о Земском соборе 1613 года. // Вопросы истории, № 5. 1985. С. 95.

⁹ Трудно судить, сколь достоверна казачья легенда о передаче скипетра государем Фёдором Ивановичем боярину Фёдору Никитичу Романову. Скорее всего, правды в ней мало. При Борисе Годунове Фёдор Никитич был пострижен в монахи с именем Филарет, позднее сделался архиереем, ездил с послами от Семибоярщины к Сигизмунду под Смоленск и остался у поляков в плену. Его сын, Михаил Фёдорович, родился до пострижения.

- ¹⁰ Повесть о Земском соборе 1613 года. // Вопросы истории, № 5. 1985. С. 96.
- ¹¹ Станиславский А. Л., Морозов Б. Н. Повесть о Земском соборе 1613 года. // Вопросы истории. № 5. 1985.
- ¹² Акты Археографической экспедиции. Т. II. СПб, 1836. № 192.
- ¹³ Акты Археографической экспедиции. Т. II. СПб. 1836. № 182.
- ¹⁴ Письмо князей Юрия и Дмитрия Трубецких к Яну Петру Сапеге // Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб. 1871. Приложения. № 41. Письмо представляет собой ответ на послание Сапеге.
- ¹⁵ Геркман Э. Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 255–256; Видекин Д. Ю. История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000. С. 197; Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб. 1910. С. 112.
- ¹⁶ Повесть о победах московского государства. М., Наука. 1982. С. 73.
- ¹⁷ Иван Никитич Романов приходился дядей Михаилу Фёдоровичу Романову. Но Михаил Фёдорович был сыном старшего из братьев Никитичей – Фёдора, в иночестве Филарета, а Иван Никитич – пятым из сыновей Никиты Романовича Захарьина-Юрьева, прародителя Романовых. И это по местническим счетам резко снижало уровень его знатности.
- ¹⁸ Многие дворяне всё же разъехались по домам, а казаков прибыло.
- ¹⁹ Забелин И. Е. Сыскное дело о ссоре межевых судей стольника князя Василия Большого Ромодановского и дворянина Лариона Сумина // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Вып. 7. 1848. С. 85.
- ²⁰ Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1989. С. 131.
- ²¹ Забелин И. Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1999. С. 66.
- ²² Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Т. I. С. 637.
- ²³ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб. 1910. С. 129.
- ²⁴ “И мы осадных сидельцов за службы велели испоместить”: Жалованная грамота “Совета всея земли”. 1613. // Исторический архив, № 6. 1993. С. 193–195.
- ²⁵ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 1998. Т. 2. № 399.
- ²⁶ Дворцовые разряды. 1612–1628. Том 1. СПб. 1850. С. 1083.
- ²⁷ Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. Приложение № 5.
- ²⁸ Дворцовые разряды. 1612–1628. Том 1. СПб. 1850. С. 1103.
- ²⁹ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб. 1910. С. 131.